

УДК 930(4)+393

ПРОБЛЕМАТИКА СМЕРТИ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

С.Ю. Мальшева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются процессы оформления тематики смерти в качестве самостоятельного предмета социально-гуманитарных исследований на Западе во второй половине XX в. Подчёркивается, что в первой половине XX столетия представления об этом феномене и погребальные обряды привлекали внимание ряда антропологов, усилиями которых и началось оформление танатологической проблематики. Новый импульс исследованиям придавал выдвинутый в середине 50-х годов тезис о вытеснении смерти в современном обществе. Дискуссия вокруг него спровоцировала научный интерес к названной тематике, что отразилось в появлении целого ряда трудов, оформлении таких областей знания, как танатопсихология, танатосоциология, историческая танатология. Интенсификация изучения смерти представителями различных дисциплин к рубежу веков способствовала превращению этой проблематики в пространство широкого междисциплинарного взаимодействия.

Ключевые слова: история, историография, изучение смерти, историческая танатология, танатопсихология, танатосоциология

В 1955 г. британский антрополог Дж. Горер опубликовал в журнале "Encounter" статью «Порнография смерти», в которой высказал своё ощущение, что в современном обществе смерть заменила секс в качестве табуированного объекта [1]. Он полагал: подобно тому, как во времена королевы Виктории репрессии в отношении сексуальности вызвали к жизни расцвет порнографии, так и в XX в. замалчивание, отрицание и вытеснение смерти в английском обществе провоцирует «порнографию смерти». Идея связи и амбивалентности этих двух феноменов была, впрочем, не нова. Так, ещё в 1920 г. З. Фрейд в своей работе «По ту сторону принципа удовольствия» написал об «Эросе и Танатосе», или о влечении к жизни и влечении к смерти [2]. Однако Горер указал на явление, которое двадцать с лишним лет спустя французский историк Ф. Арьес опишет как смерть «перевернутую» или «невидимую» [3]. Причём антрополог обратил внимание не только на маргинальность данной темы, но и на тот болезненный интерес, который ввиду недостатка информации по ней приобрёл «порнографические» черты. Хотя статья Горера вызвала в то время скандал, его тезис имел успех.

Существуют различные мнения о границах периода, характеризующегося вытеснением смерти. В качестве точки отсчёта Горер предлагал Первую мировую войну, в то время как британский историк Дж. Лили говорила о начале XIX в. [4]. Некоторые исследователи полагают, что вытеснение смерти достигло своего апогея уже после Второй мировой войны другие же указывают на то, что период открытости в отношении смерти наступил в 60-х годах XX в. (см., например, [5]).

Немецкий социолог К. Фельдман подчёркивает, что тезис о вытеснении смерти весьма небесспорен. Безусловно, существуют признаки, подтверждающие эту теорию.

1. Происходит «приватизация» и «изоляция» смерти. Так, если в традиционных, аграрных социумах смерть одного из их членов была делом всей общины, то в современном мире это касается лишь сравнительно небольшого круга родственников, друзей, знакомых. Похороны и погребальные ритуалы теряют их публичную, общественную релевантность.

2. Наблюдается определённое дистанцирование от смерти, недостаток опыта переживания этого феномена и сознательное избегание такого опыта. Увеличение продолжительности жизни привело к тому, что смерть родных и близких многими европейцами переживается реже и в основном во взрослом возрасте (детей стараются всячески оградить от умирающих и отчасти от погребальных ритуалов). Для многих обращение с умирающими, умершими и скорбящими непривычно и неприятно. Они дистанцируются от этих забот, передавая их профессионалам.

3. Смерть бюрократизируется, деперсонализируется и отчуждается. Люди часто заканчивают жизнь в больницах и других общественных учреждениях, будучи вырванными из своего привычного окружения и помещёнными в особое социальное пространство. Медикализация и технизация обращения с умирающими ведёт к их деперсонализации, стирая черты индивидуальности и уникальности переживаемого события. Кроме того, от тяжелобольных часто скрывают их реальное состояние или воздвигают коммуникационные барьеры между ними и другими людьми.

4. Смерть нередко партикуляризируется, она позиционируется как проблема преимущественно меньшинства немолодых людей (ведь большинство умирает именно в пожилом возрасте).

5. Медицинский и технический прогресс питает надежды на постоянное продление жизни, что отодвигает, вытесняет мысль о неотвратимости смерти [6, S. 32–36].

Признавая определённую оправданность идеи Горера, Фельдман указывает на временную ограниченность этого «диагноза». Современный период он называет эпохой не вытеснения смерти, а контроля над ней. В качестве доводов выступают такие утверждения.

1. Наблюдаются успехи в борьбе с преждевременной смертью.

2. Современные люди настроены менее фаталистически, они думают о смерти и проявляют предусмотрительность (имеется в виду система страхования жизни).

3. Происходит нормализация представлений об этом феномене. Так, смерть в преклонном возрасте рассматривается большинством как естественное и не столь

трагичное явление, о чём свидетельствует сдержанность в отношении погребения, ослабевание интереса к помпезным похоронам или затратному культу мёртвых.

4. Поиск смыслов жизни и смерти индивидуализирован и, как правило, больше не опосредуется религиозными или культурными институтами.

5. Высокая доля самоубийств свидетельствует о стремлении современных людей управлять собственной жизнью.

6. Решения, которые касаются жизни и смерти (трансплантация органов, эвтаназия, аборт), становятся всё более открытыми для дискутирования в тесной связи с правами человека, что отражает серьёзную заинтересованность общества данными проблемами.

7. Массовые открытые протесты против гибели людей в военных конфликтах являются признаком осознания смерти и понимания ценности жизни.

8. Глубокая скорбь по умершим близким, а также интерес к истории предков и ушедшим культурам опровергают тезис о вытеснении смерти.

9. Редуцирование изображений в смертных пространствах, которое можно интерпретировать в пользу тезиса Горера, компенсируется распространением образов смерти в современной медийной сфере, где они обретают уже не приватное, а публичное значение (например, виртуальные кладбища, музеи смерти и т. д.).

10. Даже если вытеснение смерти происходит, то оно характерно только для отдельных групп людей и имеет позитивное значение. Так, для смертельно больных игнорирование осмысления смерти может играть положительную роль. Другим примером является освобождение женщин от груза громоздких и обременительных траурных ритуалов, которым они должны были следовать в XIX и XX вв. [6, S. 39–41].

Таким образом, тезис Горера оспаривается многими реалиями современного общества. Однако сама идея и пробуждённый ею научный интерес внесли большой вклад в тематизацию смерти в качестве объекта социально-гуманитарных исследований.

Нельзя сказать, что социально-гуманитарное знание до этого совсем не уделяло внимания названной проблеме. Уже в конце XIX – начале XX в. были опубликованы интересные этнологические, антропологические труды, посвящённые изучению представлений о смерти и обращения с умершими в традиционных культурах. Одним из первых танатологов считают французского социолога и этнолога Р. Хертца, исследовавшего коллективную репрезентацию смерти и погребальные ритуалы жителей острова Борнео. Учёный зафиксировал их представления о переходном периоде между жизнью и смертью, окончание которого знаменуется большим празднеством. Это, в частности, отражается в традиции двойного погребения: первое мыслится как предварительное, второе – окончательное. Согласно местным верованиям судьба души отражается в изменениях тела, разложение которого свидетельствует о том, что душа ещё не упокоена (препятствовать этим процессам означает мешать её преобразению) и несёт угрозу для живых. Идея об опасности разлагающегося тела, как подчёркивает Хертц, обусловлена отнюдь не гигиеническими, а скорее ментальными соображениями. Смерть изменяла статус родственников покойного, которые оказывались социальными или психическими «ампутантами», частично умершими, как, например, вдовы. Поэтому они должны пройти фазу перехода, в ходе

которой их идентичность была бы восстановлена или заново сформирована. Таким образом, Хертц зафиксировал представления о симметрии, параллельности состояний тела и души, которые, однако, могли быть утрачены в ходе модернизации и индустриализации. Между тем и в современных обществах имеет место долгое социальное умирание физически уже умершего человека в сознании его близких. Это связано, в частности, с «продлённой телесностью», воплощённой в оставшихся после покойного памятных вещах, предметах [7].

Два года спустя была издана работа А. ван Геннепа, в которой погребальные обряды рассматриваются как важнейшие из ритуалов перехода [8]. Последние характеризуются трёхступенчатой структурой, предполагающей отделение от статуса (сепарация, отлучение), состояние перехода (транзикация) и включение в новый статус (инкорпорация, агрегация). Учёный подчёркивал, что в погребальных ритуалах фаза сепарации проработана меньше, чем фаза состояния перехода. Как отмечает Фельдман, концепция ван Геннепа использовалась в 70–90-х годах XX в. для описания социальных, психических и физических стадий умирания, свойственных различным группам индивидуумов [6, S. 20].

Традиции антропологического исследования обрядов смерти и погребения развивались на протяжении всего XX в. и в полной мере воплотились в ставшей классической работе Р. Хантингтона и П. Меткальфа [9]. Сравнив погребальные обряды различных народов, рассмотрев их эмоциональные и символические аспекты, авторы проанализировали коллективные репрезентации смерти в Америке, отметили своеобразную религиозную функцию ритуалов смерти (в русле идеи о «гражданской религии»).

До второй половины XX в. исследователи проявляли преимущественно этнологический и антропологический интерес к культурам далёких племён, их мифам и представлениям об умирании, погребальным ритуалам и обычаям. Парадоксально, но именно кажущееся дистанцирование общества от смерти, обусловленное во многом драматическими событиями XX в. (прежде всего двумя мировыми войнами), определило большой научный интерес к ней в 50–60-х годах. Можно сказать, что именно в этот период возникает современная танатология как междисциплинарное исследовательское поле, в разработку которого внесли важный вклад философы, теологи, психологи, социологи, этнологи, историки, биологи, медики, социальные работники и др.

Как уже отмечалось, дистанцированность от смерти проявлялась в том числе в профессионализации всего, что касалось болезни, умирания, похорон, в медиализации смерти. Это привело к появлению танатопрактики, под которой понимается гигиеническое обслуживание тел умерших, необходимое для того, чтобы в открытом гробу они имели безупречный с точки зрения эстетики вид. Подобные мероприятия должны обеспечить достойное и благоговейное прощание с покойным. Научным основанием танатопрактики послужила танатология, а ведущую роль в её оформлении сыграли специалисты по погребению. Получила широкое развитие сеть различных похоронных бюро и моргов.

Кроме того, в развитых странах возникли многочисленные медицинские центры и клиники, изучающие проблемы продления жизни, а также хосписы, призванные облегчить страдания умирающих. Международная хосписная деятельность развивалась под влиянием работ швейцарского психиатра Э. Кюблер-

Росс, работавшей с 1958 г. в США. Особенно большую роль сыграла её книга «О смерти и умирании» [10]. Кюблер-Росс задалась целью научиться у самих умирающих тому, как следует с ними обращаться и какую помощь оказывать. Для этого она беседовала с неизлечимо больными людьми, задавала вопросы об их чувствах и мыслях относительно смерти и умирания. В книге «Интервью с умирающими» были проанализированы ответы более чем 200 пациентов из США и выделены следующие пять фаз умирания, ныне отчасти признаваемых, хотя и весьма спорных:

1) отрицание и изоляция (больной думает, что диагноз ошибочен и ищет альтернативных мнений врачей);

2) гнев (пациент сердится на врачей и ненавидит здоровых людей, наблюдаются неконтролируемые вспышки гнева по отношению ко всем, кто не страдает его болезнью, в том числе медсёстрам, сиделкам, врачам, родственникам);

3) торг (больной, желая продлить жизнь и облегчить страдания, пытается «договориться» с богом, врачами и т. д.);

4) депрессия (проявляется отчаяние и равнодушие ко всему);

5) принятие (пациент ждёт смерти, его эмоции ослабевают, боль проходит, он хочет освободиться от всех проблем уходящего от него мира) [11].

Фазы могут следовать в другом порядке, повторяться, исключаться. Они характеризуют скорее не физические процессы умирания, а духовное, психологическое осознание необходимости проститься с жизнью. Их выявление оказалось важным для разработки такой проблемы, как психологическая поддержка умирающих и их родственников. Танатосоциология и танатопсихология стали важнейшими субдисциплинами исследований смерти и в 60-х годах XX в. открыли путь социально-психологическому изучению этого феномена, заложили основы для программ поддержки и терапии, которые помогали людям преодолевать травмы от утраты близких.

Танатосоциологи рассматривали проблемы смерти в индустриальных обществах в сравнении с доиндустриальными, поскольку смерть играет важную роль не только для отдельных индивидуумов, но и для целых социумов. Так, К. Фельдман подчёркивал, что индивидуум и общество посредством смерти взаимно ограничивают друг друга. С одной стороны, человек осознаёт свою смертность, конечность. Но социум способен «продлить» индивида, например сохраняя память о нём и его деяниях. Мотивируя человека к свершениям на благо коллектива, общество даёт ему возможность быть причастным к бессмертию. С другой стороны, смерть ограничивает власть общества над индивидом, ведь мёртвыми уже невозможно управлять [6, S. 11].

Смерть отдельных значимых персон и прежде всего массовые смерти нередко оказывают решающее влияние на культурные и социальные структуры. Так, огромные человеческие потери вследствие эпидемий, голода и войн в XIV в., возможно, сыграли немалую роль в разрушении феодального порядка, нанеся урон общественно-экономическим и управленческим системам [12, S. 115]. Предполагается, что массовое увеличение продолжительности жизни в современном мире вследствие научно-технического прогресса тоже может стать причиной культурных и социальных изменений.

Понятие *смерть* весьма широкое, поэтому в трудах учёных оно дифференцируется. Выделяется *смерть собственная*, *смерть других* (в частности, близких), *всеобщая*, или *коллективная*. Выдвижение понятия *собственная смерть* в качестве центрального оправданно для исследования психологического, медицинского или теологического, но не для социологического (хотя современного индивидуума можно рассматривать в качестве исторической и социальной конструкции). *Всеобщая смерть* – это собирательная категория, в этом случае речь идёт о больших социальных группах, обществах, государствах, народах, а также о войнах и других формах массовых смертей, об идеологиях смерти и представлениях о бессмертии [6, S. 11–13].

Социологи различают три формы, или измерения, умирания: физическое (смерть тела), психическое (смерть «души») и социальное (утрата социального статуса). Последнее вызывает особый интерес танатосоциологов, которые при этом осознают, что все три – социальные конструкты. Соотношение данных форм различается в зависимости от типа общества. Как пишет Фельдман, в доиндустриальный период сначала следовало физическое, а потом социальное умирание. Это связано с тем, что фаза социального становления была короткой, она проходила в детстве или юности, после чего человек обретал полный социальный статус, в котором жил и умирал. Причём социальное умирание могло быть публичным и довольно длительным (имеются в виду переходные ритуалы смерти). В современных индустриальных обществах человек живёт намного дольше. Фаза социального становления увеличилась (примерно 20–30 лет), после неё происходит консолидация и социальный спуск. При этом период, в течение которого человек обладает полным социальным статусом, сокращается, а непродуктивное время (конец жизни, когда происходит утрата социальных ролей, интеракционных ресурсов, связей и т. д.) растёт. Если в традиционных обществах речь обычно идёт о постмортальном социальном умирании, то в современных – о премортальном: человек умирает социально и лишь затем физически (далее следует приватная фаза социальной смерти в сознании близких). Соответственно, существуют две основные модели социального умирания:

1) физическая смерть – постмортальное социальное умирание (обе смерти переживаются публично);

2) премортальное социальное умирание (публичное и приватное) – психическая смерть (переживается приватно) – физическая смерть (переживается публично) – постмортальное социальное умирание (переживается приватно) [13].

Итак, танатосоциологи подчёркивали, что представления о смерти и конструкции смерти культурно и социально обусловлены, изменяемы во времени. Во многом их исследования апеллировали к трудам историков 60–70-х годов XX в., которые тематизировали смерть как исторически изменяемый феномен. Первенство здесь принадлежало французской историографии, унаследовавшей традиции школы «Анналов» с её интересом к ментальной стороне человеческого бытия.

В 70-х годах публикуется целый ряд трудов французского историка М. Вовеля, в которых описываются представления о смерти и посмертной судьбе, бытовавшие во Франции, в частности в Провансе [14–16]. Привлекая в качестве источников многочисленные визуальные источники (в первую очередь церковную иконографию), нотариальные акты и другие документы, автор проследил

изменение этих представлений в XV – XVIII вв. и отчасти вплоть до XX в. Примерно в те же годы другой французский историк, П. Шоню, изучил эволюцию отношения к смерти и инфраструктуру смертных пространств в Париже XV – XVIII вв. [17]. Однако образцом классического исследования по истории смерти, переведённым на многие языки, стала вышедшая в 1977 г. монография уже упомянутого нами Ф. Арьеса «Человек перед лицом смерти» [3]. За три года до этой книги Арьес выпустил работу на английском языке в США [18], но именно французское издание сделало имя учёного всемирно известным, хотя его концепция, выбор источников, масштабы обобщения неоднократно подвергались критике. Историк условно выделил пять этапов осознания смерти людьми, которые вырабатывались на протяжении столетий:

1) «смерть прирученная» (архаические представления о том, что «все умрём», характерные для традиционных культур, относящихся к смерти спокойно, как к вполне естественному явлению; ритуализация смерти, подвергавшейся социальному и культурному контролю);

2) «смерть своя» (представления, обусловленные формированием индивидуалистического сознания, пониманием собственной ответственности за прожитую жизнь, изменившим и отношение к смерти);

3) «смерть далёкая и близкая» (осознание смерти, связанное с крахом механизмов защиты от природы, с деформацией прежних форм «приручения» смерти, началом модернизации и рационализации смерти в XVI и XVII вв.);

4) «смерть твоя» (появление комплекса переживаний по поводу смерти близких, изменение отношения к ней, обусловленное формированием приватности и романтической чувствительности в буржуазной семье XVIII – XIX вв.);

5) «смерть перевернутая» (табуизация, медиализация и технизация смерти в XX в.).

Несмотря на критику в адрес Арьеса, следует признать: он представил первый опыт всеохватного, универсализирующего взгляда на исторически изменявшееся отношение к смерти, что и предопределило успех его концепции.

В последние десятилетия в Европе и США публикуется обширная литература, посвящённая проблемам истории смерти и кладбищ, погребений и похоронного дела [19–23]. Первые исследования по истории смерти в России появились в конце XX – начале XXI вв. [24, 25].

Таким образом, можно констатировать: интерес самых различных дисциплин – от теологии и медицины до истории и медиаведения, зримо отразившийся в содержании множества сборников научных трудов [26–30], свидетельствует об оформлении *Death Studies* во всё более расширяющееся поле научных междисциплинарных исследований, призванных выявить и объяснить всё многообразие практик восприятия смерти и обращения с ней.

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда Фрица Тиссена (ФРГ) в рамках индивидуального проекта «Красный Танатос: История и культура смерти в Советской России (1917–1991)» (Fritz Thyssen Stiftung, Projekt “Der rote Thanatos: Geschichte und Kultur des Todes in Sowjetrußland (1917–1991)” / Az.20.15.0.045).

Литература

1. *Gorer G.* The Pornography of death // *Encounter*. – 1955. – Oct. – P. 49–52.
2. *Sigmund F.* Jenseits des Lustprinzips. – Leipzig; Wien; Zürich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1920. – 64 S.
3. *Aries Ph.* L'Homme devant la mort. – Paris: Seuil, 1977. – 155 p.
4. *Leaney J.* Ashes to ashes: cremation and the celebration of death in nineteenth century // *Death, Ritual and Bereavement* / Ed. R. Houlbrooke. – London; N. Y.: Routledge, 1989. – P. 118–135.
5. *Parsons T., Fox R.C., Lidz V.M.* The “Gift of Life” and its reciprocation // *Death in American experience* / Ed. A. Mack. – N. Y.: Schocken, 1973. – P. 1–49.
6. *Feldmann K.* Sterben und Tod: Sozialwissenschaftliche Theorien und Forschungsergebnisse. – Opladen: Leske und Budrich, 1997. – 122 S.
7. *Hertz R.* Contribution à l'étude sur la représentation collective de la mort // *Année sociologique*. – 1907. – T. 10. – P. 48–137.
8. *Gennep A., van.* Les rites de passage: étude systématique des rites de la porte et du seuil, de l'hospitalité, de l'adoption, de la grossesse et de l'accouchement, de la naissance, de l'enfance, de la puberté, de l'initiation, de l'ordination, du couronnement, des fiançailles et du mariage, des funérailles, des saisons, etc. – Paris: E. Nourry, 1909. – 146 p.
9. *Huntington R., Metcalf P.* Celebrations of death: the anthropology of mortuary ritual. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1979. – 230 p.
10. *Kübler-Ross E.* On death and dying. – London: Routledge, 1969. – 272 p.
11. *Kübler-Ross E.* Questions and answers on death and dying. – N. Y.: Simon & Schuster, 1972. – 179 p.
12. *Zinn K.G.* Kanonen und Pest: über die Ursprünge der Neuzeit im 14. und 15. Jahrhundert. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1989. – 384 S.
13. *Feldmann K.* Einleitung // *Sterben und Tod in Europa* / Hrsg. U. Becker, K. Feldmann, F. Johannsen. – Neukirchen: Neukirchener Verlag, 1997. – S. 94–107.
14. *Vovelle M., Vovelle G.* Vision de la mort et de l'au-delà en Provence: d'après les autels des âmes du purgatoire XVe – XXe siècles. – Paris: Colin, 1970. – 99 p.
15. *Vovelle M.* Piété baroque et déchristianisation en Provence au XVIIIe siècle: Les attitudes devant la mort d'après les clauses des testaments. – Paris: Plon, 1973. – 697 p.
16. *Vovelle M.* Mourir autrefois: attitudes collectives devant la mort aux XVIIe et XVIIIe siècles. – Paris: Gallimard: Julliard, 1974. – 251 p.
17. *Chaunu P.* La mort a Paris: XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles. – Paris: Fayard, 1978. – 543 p.
18. *Aries Ph.* Western attitudes toward death: from the Middle Ages to the present. – Baltimore: J. Hopkins Univ. Press, 1974. – 122 p.
19. *Davies D.* Death, ritual and belief: the rhetoric of funerary rites. – London: Cassell, 1997. – 216 p.
20. *Davies D.* A Brief history of death. – Malden, MA: Blackwell Publ., 2005. – 184 p.
21. *Fischer M.* Ein Sarg nur und ein Leichenkleid: Sterben und Tod im 19. Jahrhundert. Zur Kultur und Frömmigkeitsgeschichte des Katholizismus in Südwestdeutschland. – Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 2004. – 437 S.
22. *Fischer N.* “Das Herzchen, das hier liegt, das ist sein Leben los”: historische Friedhöfe in Deutschland. – Hamburg: Verlag am Galgenberg, 1992. – 159 S.
23. *Fischer N.* Vom Gottesacker zum Krematorium: eine Sozialgeschichte der Friedhöfe in Deutschland seit dem XVIII. Jahrhundert. – Köln: Böhlau, 1996. – 256 S.

24. *Steindorff L.* Memoria in Altrussland: Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge. – Stuttgart: Steiner, 1994. – 294 S.
25. *Merridale C.* Night of stone. death and memory in Russia. – London: Granta, 2000. – 495 p.
26. Totengedenken und Trauerkultur: Geschichte und Zukunft des Umgangs mit Verstorbenen / Hrsg. M. Herzog. – Stuttgart; Berlin; Köln: Kohlhammer, 2001. – 260 S.
27. Tod, Jenseits und Identität: Perspektiven einer kulturwissenschaftlichen Thanatologie / Hrsg. J. Assmann, R. Trauzettel. – Freiburg; München: Alber, 2002. – 831 S.
28. Nekropolis: der Friedhof als Ort der Toten und der Lebenden / Hrsg. N. Fischer, M. Herzog. – Stuttgart: Kohlhammer, 2005. – 277 S.
29. Kultur des Todes: Interdisziplinäre Beiträge zur Sepulchralkultur aus dem Arbeitskreis selbstständiger Kulturinstitute / Hrsg. W. Neumann. – Kassel: Arbeitsgemeinschaft Friedhof und Denkmal, 2007. – 143 S.
30. Das “letzte Hemd”: Zur Konstruktion von Tod und Geschlecht in der materiellen und visuellen Kultur / Hrsg. K. Ellwanger. – Bielefeld: Transcript-Verlag, 2010. – 356 S.

Поступила в редакцию
22.11.16

Малышева Светлана Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Svetlana.Malycheva@kpfu.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 4, pp. 1043–1053

**The Problem of Death in Socio-Humanitarian Studies
during the Second Half of the 20th Century**

S.Yu. Malysheva

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: Svetlana.Malycheva@kpfu.ru

Received November 22, 2016

Abstract

The paper is devoted to the problem of death as a separate subject of socio-humanitarian studies in the West during the second half of the 20th century.

In the recent decades, thanatological aspects have gained increasing attention in socio-cultural studies. In this regard, the aim of this paper, which seems to be relevant to the field, is to identify the specifics of investigating the problem of death in socio-humanitarian studies using historiographical analysis. The obtained results show that death studies, which were mainly the research on death and funerary rites, appeared in the first half of the 20th century due to anthropologists' efforts. However, a new impetus was given to the research in the middle of the 1950s. The “repression of death” in modern society caused intense debate which triggered the research interest in death on the whole and, in particular, its phenomenon in modern developed countries. Consequently, a number of publications appeared and such of disciplines as death psychology, sociology of death and dying, and historical thanatology were

developed. By the turn of the centuries, the intensification of death studies in various disciplines contributed to the transformation of the overall problem of death within the scope of a broad interdisciplinary cooperation. It is important to understand these processes in order to unlock the cognitive potential of socio-humanitarian thanatological studies, as well as to understand the role of their results in historical, cultural, and social research.

Keywords: history, historiography, death studies, historical thanatology, death psychology, sociology of death and dying

Acknowledgments. The study is part of the author's research within the framework of the project "The Red Thanatos: The History and Culture of Death in Soviet Russia (1917–1991)" sponsored by the Fritz Thyssen Foundation (Fritz Thyssen Stiftung, Projekt "Der rote Thanatos: Geschichte und Kultur des Todes in Sowjetrußland (1917–1991)") / Az.20.15.0.045).

References

1. Gorer G. The Pornography of death. *Encounter*, 1955, Oct., pp. 49–52.
2. Sigmund F. Jenseits des Lustprinzips. Leipzig, Wien, Zürich, Int. Psychoanal. Verlag, 1920. 64 S. (In German)
3. Aries Ph. L'Homme devant la mort. Paris, Seuil, 1977. 155 p. (In French)
4. Leaney J. Death, Ritual and Bereavement. *Ashes to Ashes: Cremation and the Celebration of Death in Nineteenth Century*. Houlbrooke R. (Ed.). London, New York, Routledge, 1989, pp. 118–135.
5. Parsons T., Fox R.C., Lidz V.M. Death in American Experience. *The "Gift of Life" and Its Reciprocation*. Mack A. (Ed.). New York, Schocken, 1973, pp. 1–49.
6. Feldmann K. Sterben und Tod: Sozialwissenschaftliche Theorien und Forschungsergebnisse. Opladen, Leske und Budrich, 1997. 122 S. (In German)
7. Hertz R. Contribution à l'étude sur la représentation collective de la mort. *Année sociologique*, 1907, T. 10, p. 48–137. (In French)
8. Gennep A., van. Les rites de passage: étude systématique des rites de la porte et du seuil, de l'hospitalité, de l'adoption, de la grossesse et de l'accouchement, de la naissance, de l'enfance, de la puberté, de l'initiation, de l'ordination, du couronnement, des fiançailles et du mariage, des funérailles, des saisons, etc. Paris, E. Nourry, 1909. 146 p. (In Russian)
9. Huntington R., Metcalf P. Celebrations of Death: The Anthropology of Mortuary Ritual. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1979. 230 p.
10. Kübler-Ross E. On Death and Dying. London, Routledge, 1969. 272 p.
11. Kübler-Ross E. Questions and Answers on Death and Dying. New York, Simon & Schuster, 1972. 179 p.
12. Zinn K.G. Kanonen und Pest: über die Ursprünge der Neuzeit im 14. und 15. Jahrhundert. Opladen, Westdeutsch. Verlag, 1989. 384 S. (In German)
13. Becker U., Feldmann K., Johannsen F. Sterben und Tod in Europa. Feldmann K. *Einleitung*. Neukirchen, Neukirchener Verlag, 1997, S. 94–107. (In German)
14. Vovelle M., Vovelle G. Vision de la mort et de l'au-delà en Provence: d'après les autels des âmes du purgatoire XVe – XXe siècles. Paris, Colin, 1970. 99 p. (In French)
15. Vovelle M. Piété baroque et déchristianisation en Provence au XVIIIe siècle: Les attitudes devant la mort d'après les clauses des testaments. Paris, Plon, 1973. 697 p. (In French)
16. Vovelle M. Mourir autrefois: attitudes collectives devant la mort aux XVIIe et XVIIIe siècles. Paris, Gallimard, Julliard, 1974. 251 p. (In French)
17. Chaunu P. La mort a Paris: XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles. Paris, Fayard, 1978. 543 p. (In French)
18. Aries Ph. Western Attitudes toward death: From the Middle Ages to the Present. Baltimore, J. Hopkins Univ. Press, 1974. 122 p.
19. Davies D. Death, Ritual and Belief: The Rhetoric of Funerary Rites. London, Cassell, 1997. 216 p.
20. Davies D. A Brief History of Death. Malden, Mass., Blackwell Publ., 2005. 184 p.

21. Fischer M. Ein Sarg nur und ein Leichenkleid: Sterben und Tod im 19. Jahrhundert. Zur Kultur und Frömmigkeitsgeschichte des Katholizismus in Südwestdeutschland. Paderborn, München, Wien, Zürich, Schöningh, 2004. 437 S. (In German)
22. Fischer N. "Das Herzchen, das hier liegt, das ist sein Leben los": historische Friedhöfe in Deutschland. Hamburg, Verlag am Galgenberg, 1992. 159 S. (In German)
23. Fischer N. Vom Gottesacker zum Krematorium: eine Sozialgeschichte der Friedhöfe in Deutschland seit dem XVIII. Jahrhundert. Köln, Böhlau, 1996. 256 S. (In German)
24. Steindorff L. Memoria in Altrussland: Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge. Stuttgart, Steiner, 1994. 294 S. (In German)
25. Merridale C. Night of Stone. Death and Memory in Russia. London, Granta, 2000. 495 p.
26. Totengedenken und Trauerkultur: Geschichte und Zukunft des Umgangs mit Verstorbenen. Herzog M. (Hrsg.). Stuttgart, Berlin, Köln, Kohlhammer, 2001. 260 S. (In German)
27. Assmann J., Trauzettel R. Tod, Jenseits und Identität: Perspektiven einer kulturwissenschaftlichen Thanatologie. Freiburg, München, Alber, 2002. 831 S. (In German)
28. Nekropolis: der Friedhof als Ort der Toten und der Lebenden. Fischer N., Herzog M. (Hrsg.). Stuttgart, Kohlhammer, 2005. 277 S. (In German)
29. Kultur des Todes: Interdisziplinäre Beiträge zur Sepulkralkultur aus dem Arbeitskreis selbstständiger Kulturinstitute. Neumann. W. (Hrsg.). Kassel, Arbeitsgem. Friedhof und Denkmal, 2007. 143 S. (In German)
30. Das "letzte Hemd": Zur Konstruktion von Tod und Geschlecht in der materiellen und visuellen Kultur. Ellwanger K. (Hrsg.). Bielefeld, Transcript-Verlag, 2010. 356 S. (In German)

Для цитирования: Малышева С.Ю. Проблематика смерти в социально-гуманитарных исследованиях второй половины XX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 4. – С. 1043–1053.

For citation: Malysheva S.Yu. The problem of death in socio-humanitarian studies during the second half of the 20th century. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 4, pp. 1043–1053. (In Russian)